© 2005 г. Р. РУДЕ

**ПРЕДИКАТИВНОЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ И ТИПЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ***

Данная статья посвящена некоторым вопросам синтаксиса предикативного прилагательного. В центре внимания находится прежде всего структура предложений. В зависимости от того, является ли предложение (1) чисто квалифицирующим, (2) бытийно-квалифицирующим или (3) таксономически-квалифицирующим, преобладает краткая или полная форма прилагательного. Тип (2) определяют семантика подлежащего и присутствие локализатора. Для типа (3) важную роль играют референциальный статус подлежащего и семантика предиката. Последняя часть статьи посвящена проблеме творительного предикативного для прилагательных.

Несмотря на то, что синтаксису прилагательного в позиции сказуемого в русском языке посвящено огромное количество работ, исследователи до сих пор считают, что этот вопрос остается во многих отношениях одним из самых спорных в русской лингвистике. На эту тему накоплено очень много фактического материала и сформулировано большое число теоретических правил, регулирующих употребление той или иной формы. Поэтому мы бы хотели не столько добавить отдельные наблюдения к уже существующему материалу, сколько выявить общий принцип, позволяющий упорядочить эти теперь уже всем известные факты, и выделить некоторые следствия этого принципа. Мы, в первую очередь, хотим обратить внимание на конкуренцию полной и краткой форм прилагательного. Нам кажется также необходимым после этого рассмотреть, какое место в этой системе занимает творительный предикативный.

Сложность и разнообразие правил распределения кратких и полных форм предикативного прилагательного является результатом того, что конструкции, в которые оно входит, распределяются по трем семантическим полюсам.

(А) Первым полюсом является стандартное квалифицирующее предложение типа: *она красива; он очень богат*. Семантика этих предложений состоит в том, что 'некоторому X-у приписывается признак P'.

(Б) Второй полюс – бытийный тип; самые типичные бытийные предложения построены с помощью имени в функции подлежащего (*был праздник*), но они могут быть осложнены прилагательным (*была прекрасная погода*) и могут подвергаться разным трансформациям, в результате которых будет "возрастать" роль прилагательного.

(В) Третий полюс – таксономические предложения: *это роман, это сказка*. Как и в предыдущей модели, самые типичные из них построены с помощью имени в функции подлежащего. Они могут подвергаться различным преобразованиям, постепенно приближающим их к квалифицирующему типу. Семантика этих предложений сводится к тому, что 'некоторый X относят к классу K'¹.

Нас особенно интересуют промежуточные конструкции, располагающиеся между полюсами А и Б (например, *погода была хорошая*) и между полюсами А и В (напри-

* Выражаю благодарность профессору Жану Бреяру за ряд ценных замечаний, в особенности за мысль о противоположной ориентированности краткой и полной форм предикативного прилагательного.

¹ О мыслительном процессе, лежащем в основе классификации, см. ниже.

мер, *жизнь прекрасная*). Менее интересны для нашего исследования конструкции, занимающие промежуточную позицию между типами Б и В (они, к тому же, являются более редким феноменом). Поэтому мы ограничимся тем, что проиллюстрируем эти конструкции следующим примером, взятым из [Виноградов 1972]:

(1) *Масти были любимые и нелюбимые, счастливые и несчастливые* (Л. Андреев).

Тут трудно решить, с каким типом предложений, таксономическим или бытийным, мы имеем дело, поскольку эквивалентами этого предложения являются и *были любимые масти и нелюбимые масти, счастливые и несчастливые* (бытийный тип) и *масти делились на категории любимых и нелюбимых...* (таксономический тип). Но главное для нас – другое: как бы ни истолковывалось предложение *Масти были любимые и нелюбимые...*, единственная возможная форма для прилагательного – именительный падеж полной формы; краткая форма в этих конструкциях употребляться не будет. Поэтому мы оставим в стороне этот промежуточный тип.

Наши наблюдения приводят нас к убеждению, что многие особенности распределения краткой и полной форм вытекают из следующего принципа: для предикативного прилагательного краткая форма употребляется тогда, когда предложение, в которое оно входит, представляет собой чисто квалифицирующую модель (А); полная же форма будет употребляться, когда мы имеем дело с предложением бытийно-квалифицирующего типа (БА) или таксономически-квалифицирующего типа (ВА). В типе БА, которому посвящена первая часть этой работы, важную роль играют семантический тип подлежащего и присутствие или отсутствие локализатора. Во второй части мы перейдем к типу ВА и будем рассматривать факторы, благоприятствующие употреблению таксономически-квалифицирующего предложения. Важнейшую роль здесь играют референциальный статус подлежащего и семантические характеристики предиката. В третьей части будут рассмотрены некоторые следствия дифференциации собственно квалифицирующего и таксономически-квалифицирующего предложений. С помощью этой дифференциации мы постараемся объяснить не только несколько любопытных примеров, но и общеизвестные факты: речь будет идти о том, что краткая форма придает большую категоричность суждению, чем полная форма, и о том, что при дополнении употребление краткой формы часто становится обязательным. Семантическое расхождение краткой и полной форм, в свою очередь, является следствием валентностного потенциала краткой формы прилагательного. В последней части этой работы будет рассмотрена проблема творительного. Обратим сперва внимание на бытийно-квалифицирующий тип.

1. БЫТИЙНО-КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

1.1. Тип подлежащего

В первую очередь следует отметить предложения, имеющие в качестве подлежащего название некоторого события. Н.Д. Арутюнова [Арутюнова 1999: 771–772] пишет, что эти предложения выходят из поля бытийности, если в них актуализовано качественное определение. Подлежащим в них обычно является слово, обозначающее безличное событие. Это событие – либо временной отрезок (день, утро, вечер, лето, зима...), либо стихийное явление (погода, дождь, гроза), сообщение о состоянии среды (покой, тишина...) или об общесоциальном явлении (голод, война). Реже замещают эту позицию названия субъектных событий (суета, толкотня). Результатом такой актуализации являются конструкции: *погода была прекрасная, утро было холодное, тишина здесь полная* и т.д.:

(2) Вокруг нашего дома стояли, задумавшись, огромные каштаны. С них уже начали падать сухие пятипалые листья. День был солнечный, очень синий, теплый, но с прохладной тенью – обыкновенный день киевской осени (Паустовский. Далекие годы).

Как было сказано, актуализация качественного определения влечет за собой отрыв таких предложений от бытийности, но регулярное употребление полной формы прилагательного здесь сохраняется. Порой от собственно бытийного типа такие предложения отличает еще и обязательная тематическая позиция подлежащего:

(3) *По вечерам город был затемнен. Боялись внезапного нападения германского флота. Затемнение было неполное. В шторах, опущенных на окнах магазинов, были прорезаны надписи, освещенные изнутри* (Паустовский. Беспокойная юность).

В примере (3) ясно, что элемент *затемнение* не может быть рематическим: актуализация определения путем перестановки лексем здесь обязательна. Но даже если собственно бытийное предложение было *неполное затемнение* было бы в таком контексте неуместно, близость к бытийному типу очевидна. Следует упомянуть тот факт, что дейктическое местоимение, сопровождающее подлежащее такого типа (*этот день, такая погода*), приводит к полному отрыву от бытийной модели, и краткая форма прилагательного становится вполне естественной: *этот день был ужасен, такая погода неприятна...*

1.2. Влияние локализатора

Многие предложения, содержащие локализатор, представляют собой не чисто квалифицирующую модель, а промежуточный тип БА.

1.2.1. Локализатор – посессивная синтагма

Было неоднократно замечено, что присутствие посессивной синтагмы у + род. влечет за собой почти исключительное употребление полной формы (*дети у нее милые*). Это объясняется тем, что такие конструкции представляют собой предложения, частично оторванные от бытийного типа (*у нее милые дети*) путем актуализации квалифицирующего элемента. Тут возможны разные варианты. Ниже мы процитируем отдельные рубрики, взятые из [Арутюнова 1999]. С посессивной синтагмой представлены:

- высказывания о владении предметом: *Книги у нее интересные; Дом у них был просторный, светлый;*
- высказывания о свойстве какого-нибудь лица, входящего в микромир человека: *Мама у него старая; Муж у нее был непутевый;*
- высказывания о наличии внешних обстоятельств жизни человека: *Работа у него была интересная;*
- высказывания о физическом состоянии: *Приступ у него был острый;*
- высказывания о физических свойствах человека: *Глаза у нее черные; Голос у него низкий.*

Замена именительного падежа творительным означает окончательный разрыв с бытийным типом, и конструкции получают исключительно квалифицирующую интерпретацию: *Дом у них был просторным, светлым; Работа у него была интересной* (мы отвлекаемся от того факта, что эти предложения могут показаться стилистически нежелательными). Случаи, когда в такой конструкции употребляется краткая форма, крайне редки, если прилагательное не предшествует имени (об этом см. [Gustavson 1976: 340–341]). Исключение из этого правила составляют устойчивые выражения:

(4) *У него на такие дела кишка тонка.*

Можно предположить, что достаточно даже имплицитной посессивной синтагмы, чтобы полная форма прилагательного стала обязательной. Этим, по нашему мнению, объясняется следующий пример, где естественно предположить, что опущено *у нее* (*память на имена у нее просто ужасная*):

- (5) *Сказала, что задевала куда-то визитную карточку, что память на имена просто ужасная – адреса, мол, запоминает, а фамилии и имена-отчества никак* (Акунин. Любовница смерти).

Невозможность в (6) краткой формы (*голова была ясна) мы склонны объяснять тем же фактором, имплицитной синтагмой у нее:

- (6) *...а может, Медеины травы так действовали, голова была ясная, мысли хоть и медлительные, но очень четкие* (Улицкая. Медея и ее дети).

Такая посессивная синтагма настолько склоняет все предложение в сторону бытийного типа, что за прилагательным порою сохраняется именительный падеж даже с такими связочными глаголами, с которыми более обычным является творительный предикативный:

- (7) *Комната у Офелии оказалась простенькая, но уютная* (Акунин. Любовница смерти).

Исключения, когда, несмотря на такую посессивную синтагму, употребляется краткая форма, крайне редки:

- (8) *Лена закончила шитье, надела кофточку и подошла к зеркалу, глядя на себя высокомерно. Кофточка была с короткими рукавами, что было некрасиво – руки у Лены вверху толсты, летний загар сошел, белеет кожа в мелких пупырышках* (Трифонов. Обмен).

1.2.2. Локализаторы другого типа

С локализаторами другого типа тоже преобладает полная форма, но она является менее обязательной. Тут возможны высказывания о микромире человека (*платье на ней было ужасное*) и высказывания, где локализатором является указание на фрагмент мира (*люди там интересные; леса в этом краю замечательные*). Преобладание здесь полной формы прилагательного над краткой также объясняется близостью предложения *Леса в этом краю замечательные* к бытийному типу (*В этом краю замечательные леса*). Примеры из литературы:

- (9) а. *На Контрактовой ярмарке балаганы действительно были интересные. Мы любили эту ярмарку и с нетерпением ждали всю зиму, когда она откроется* (Паустовский. Далекие годы).
б. *Русалка с лиловыми глазами лежала в цинковой ванне. В грязной чешуе русалки отражалась тусклая электрическая лампочка. Вода в ванне была мутная* (Паустовский. Далекие годы).
в. *За плотинами были водяные ямы – жилища огромных щук. Ямы назывались спадами. В спадах вода была черная и медленно вращалась* (Паустовский. Далекие годы).

Мы здесь не рассматривали вопрос о том, можно ли с полным правом присвоить прилагательному в бытийно-квалифицирующем предложении статус предиката. Есть возможность считать, что такое предложение отличается от чисто бытийного только выносом имени; прилагательное тем не менее остается согласованным определением, не имеющим само по себе статуса предиката. Предположение, что прилагательное – всего лишь согласованное определение, естественным образом объясняет невозможность употребления краткой формы в такой модели предложения².

² Именно такой точки зрения придерживался проф. Сэмюэл на Семинаре, посвященном русской лингвистике, проходившем в Сорбонне в 1997–1998 гг.; веский аргумент в пользу такого решения – возможность для причастий замещать эту позицию в полной форме (как известно, краткая форма обязательна для причастий в предикатной позиции): *Одежка у них рваная, валенки разбитые, тела истомленные; Когда в половине десятого Юра добрался до гостиницы, вид у него был несколько взъерошенный и ошеломленный*. Такой подход приложим и ко многим таксономически-квалифицирующим предложениям.

2. ТАКСОНОМИЧЕСКИ-КВАЛИФИЦИРУЮЩИЙ ТИП

Заметим прежде всего, что очень многие исследователи в разное время (в частности Виноградов, Исаченко, Сахно) считали функцию классификации типичной для полной формы предикативного прилагательного: “В сущности, при предикативном употреблении полных форм имен прилагательных происходит подведение тех или иных предметов под известные категории качества или признака, которыми определяются различия родов и видов вещей и лиц” [Виноградов 1972: 214]. С особой ясностью эта точка зрения излагается в [Исаченко 1965]: “В предложении *Китайский язык очень трудный* утверждается (а) что существует класс трудных языков и (б) что именно китайский язык включается говорящим в этот класс, мыслится им как элемент данного класса”. С другой стороны, имя нарицательное, а не прилагательное составляет типичный предикат таксономического предложения (об этом см. [Wierzbicka 1986]), и поэтому мы склонны рассматривать предложения типа *Китайский язык очень трудный* как таксономически-квалифицирующую модель.

Нам кажется, что прежде всего необходимо уточнить, в чем состоит основа таксономического предложения. Отнести X к классу K_y значит, что:

- X является элементом множества M . “Конкретное таксономическое предложение содержит сообщение о вхождении объекта в некоторый класс, его идентичности одному из членов множества, ср.: *Этот цветок – незабудка*” [Арутюнова 1999: 32]. Это утверждение должно быть уточнено следующим образом: в предложенном примере имеет место первичная классификация, X (подлежащее предложения) уже классифицирован как входящий в множество всех цветов M (эту первичную классификацию можно назвать индентификацией). Если взять предложение *Эта книга – роман*, первичная классификация состоит в том, что некий X определен как входящий в совокупность всех книг (множество M).

- M может быть разбит на классы $K_1, K_2, K_3, \dots$ по характеристикам, противопоставляющим их друг другу. Это значит, что такие характеристики должны относиться к одной понятийной сфере. Можно, например, рассортировать книги по содержанию (тогда мы получим категории романов, учебников, словарей и т.д.), по объему (книги будут разделены на толстые и тонкие) или по цвету обложки (красные, желтые, зеленые книги).

Дальше мы приведем соображения А. Вежбицкой [Wierzbicka 1986]:

- операция категоризации берет чаще всего в основу какую-то устойчивую характеристику;

- эта характеристика обычно является заметной, очевидной чертой;

- в результате такой операции получаются дискретные (non overlapping) категории.

Вежбицкая утверждает, что к такой операции в первую очередь приспособлены имена нарицательные (а не прилагательные). Значит, роль прилагательного, являющегося предикатом таксономического предложения (в котором употребляется полная форма), близка к роли имени. К этому можно добавить, что употребление краткой формы прилагательного во многих отношениях соответствует некоторому оглаголиванию прилагательного. Интересное замечание мы нашли по этому поводу в [Булыгина, Шмелев 1997: 59–60]: «Факт известного “оглаголивания” прилагательных, участвующих в рассматриваемых предикациях, подтверждается возможностью употребления прилагательных в неопределенно-личных предложениях с “нулевым подлежащим”: *Я позвонил по телефону. Со мной были вежливы, но холодны; В поликлинике к нему очень внимательны; Боюсь, что в детстве с ним были слишком мягки; Если с ребенком слишком суровы, он и сам вырастает неласковым*». К этому замечанию можно добавить, что классификация нулевого подлежащего противоречила бы элементарной логике, и поэтому в таких случаях исключается употребление полной формы.

2.1. Типы подлежащего

Разные имена в зависимости от своего референциального статуса могут породить предложения разных типов (об этом см. [Булыгина, Шмелев 1997: 113]). Этот факт отражается в синтаксисе предикативного прилагательного.

2.1.1. Имена с уникальной референцией

Такие имена обозначают сущности, которые не могут быть элементом какого-либо множества, и поэтому для них ни о какой классификации речи быть не может. Эти имена не могут быть подлежащим ни таксономического, ни таксономически-квалифицирующего предложения: тут для предикативного прилагательного возможна лишь краткая форма. Один из лучших примеров такого типа – лексема *вселенная*. Она может стать подлежащим только квалифицирующего предложения (а).

(10) а. Вселенная бесконечна.

б. *Вселенная бесконечная.

Предложение (б) неприемлемо оттого, что оно воспринималось бы как таксономически-квалифицирующее предложение, обязательно предполагающее здесь несуществующее множество М, в которое входила бы вселенная. Мы здесь, конечно, отвлекаемся от возможности для языка описывать предполагаемые миры, благодаря которой могут быть построены предложения, относящие в принципе уникальные объекты к определенным классам. По очевидным причинам такая возможность используется редко.

Однако в некоторых случаях могут возникнуть сомнения. В качестве примера имен с уникальной референцией в [Булыгина, Шмелев 1997] приводятся такие лексемы, как *луна* и *солнце*, что на первый взгляд не вызывает возражений. Тем не менее следующие предложения не аномальны:

(11) а. *Луна была огромная и сияла, как хорошо начищенное самоварное золото* (Золотуха. Великий поход за освобождение Индии).

б. *Луна была большая, как медный таз* (Золотуха. Великий поход за освобождение Индии).

в. *Солнце садилось за горы. Вечером оно было огромное, красное* (Шукшин).

Дело в том, что наблюдателем воспринимаются не индивидуальные объекты (*луна* или *солнце*), а конкретные пространственно-временные срезы, инстанты этих объектов (по терминологии [Булыгина, Шмелев 1997: 113–114]). Другими словами, возобновляющиеся каждый день конкретные реализации луны и солнца составляют определенное множество, и предложения (а)–(в) относят одну их конкретную реализацию к классу, имеющему определенный признак. Эти предложения принадлежат к типу ВА.

Здесь следует отметить, что именно эта возможность для одного и того же имени проводить референцию то к индивидуальному объекту, то к одному его временно-пространственному срезу, осложняет картину синтаксиса предикативного прилагательного. Согласно традиционной точке зрения полная форма соответствует семантике “постоянства признака” (и эту точку зрения полностью отвергнуть нельзя). Но уже из приведенных примеров видно, что, когда полная форма призвана установить референцию к одному инстанту, происходит как раз обратное явление.

2.1.2. Проблема референции и тематических подлежащих

Все последующие анализируемые случаи связаны тем, что референциальный статус подлежащего вытекает из контекста. Имен с уникальной референцией, как нам кажется, почти нет (единственный неоспоримый пример такого типа – *вселенная*). Зато имеются многочисленные имена, могущие обозначать либо понятие (о них Фреге писал, что их тогда сопровождает определенный артикль: *la vie, das Leben*), либо кон-

кретное явление (с неопределенным артиклем: *une vie, ein Leben*), и поэтому почти всегда возможны две модели предложения. В первом случае возможно только квалифицирующее предложение (а), во втором случае, если не употребляется таксономическое предложение типа *это прекрасная жизнь, это полезное чтение*, возможно таксономически-квалифицирующее предложение (б).

- (12) а. *Жизнь прекрасна. Чтение полезно.*
б. *Жизнь прекрасная. Чтение полезное.*

Речь здесь идет соответственно о жизни одного конкретного человека, об одной конкретной книге: множество М – разные возможные существования, разные возможные книги. Для того чтобы такое предложение стало допустимым, обязательна тематическая позиция подлежащего: предыдущий контекст должен дать информацию о том, о какой жизни, о какой книге идет речь. Следует отметить по этому поводу, что еще Н.Ю. Шведова [Шведова 1952: 107] писала о том, что замещение позиции подлежащего лексемой, взятой из предыдущего контекста, чаще всего влечет за собой употребление полной формы. Этот факт был также подчеркнут в [Gustavson 1976]. Заметим, что семантика “общепризнанной истины”, присущая гномическим предложениям, которую иногда приписывают краткой форме или настоящему времени (об этом см. [Guiraud-Weber 1993]), является результатом дифференциации двух типов предложений.

Подобным образом и родовой термин с вытекающей из предыдущего контекста референцией к определенному индивиду может стать подлежащим такого предложения. Для этого он обязательно должен быть тематическим, как и имена с “изменяющейся” референцией (по отношению к понятию или же к конкретному явлению). Например:

- (13) а. *Осталась Дарья Никитшина вольной вдовой, детей у ней не было. Баба еще молодая, всего девятнадцать лет, да такая славная, из себя красивая. Немало людей на Дарью заглядывалось...* (Мельников-Печерский. В лесах).
б. *В этот момент я испытал нечто вроде внутреннего удовлетворения. Чувство не слишком достойное, но понятное* (Акунин. Любовница смерти).

Замечательно, что настоящее время тут не может быть заменено прошедшим, хотя рассказ ведется именно в прошедшем. При изменении такого предложения почти обязательным становится местоимение: *Баба она была молодая... Это чувство было не слишком достойное...* при сомнительности: *?Баба была молодая, ?Чувство было не слишком достойное.* Это наводит на мысль, что упомянутая модель находится на грани того, что мы назвали таксономически-квалифицирующим предложением. Эта модель является чем-то переходным между таксономически-квалифицирующей моделью и чем-то совершенно иным, не имеющим, по всей вероятности, даже статуса предложения.

Рассмотрим теперь семантически недостаточные имена типа *поведение, состояние, впечатление, черта* и т. д. Будучи семантически недостаточными, они не могут сами по себе быть подлежащим квалифицирующего предложения: **впечатление странно, *черта удивительна*. Зато они могут быть подлежащим таксономически-квалифицирующего предложения, так как эта модель имплицитно указывает на конкретную референцию этих лексем и, таким образом, восполняет их семантическую недостаточность: *впечатление странное, черта удивительная, поведение отвратительное, случай редкий*. Употребление такого таксономически-квалифицирующего предложения предполагает тематическую позицию имени-подлежащего. Такие предложения поэтому всегда контекстно обусловлены:

- (14) а. *Приводят якобы “исторический” факт: большие всего краж совершалось во время казни вора. Думается, здесь большие публицистики, чем анализа. Во всяком случае, тезис спорный, когда касается молодых людей* (РФ сегодня, 2003).

- б. Я представлял себе этих истощенных от зубрежки, заплаканных мальчиков с красными от волнения, оттопыренными ушами. Зрелище было жалкое (Паустовский. Далекие годы).
- в. Мы издевались над сыщиком. Каждый из нас громко рассказывал вымышленную его биографию. Биографии были чудовищные и оскорбительные. Сыщик хрипел от ярости (Паустовский. Далекие годы).

2.1.3. Включение в определенное множество М

В предыдущих случаях референция имени могла проводиться либо к одному конкретному объекту, либо к общему понятию. В первом случае создавалось какое-то множество сопоставимых между собой однородных элементов, во втором случае речь шла об общем, ни с чем не сопоставимом понятии, и за этот счет создавалось гномическое предложение с семантикой “сентенции, неоспоримой и общепризнанной истины” [Грамматика 1954: 450]. Возьмем теперь другую ситуацию, которая усложняется тем, что X может входить в разные множества, вследствие чего создаются разные таксономически-квалифицирующие предложения.

Возьмем как конкретный пример лексику *травы* в качестве подлежащего: возможные предложения (а) и (б), структуры которых на первый взгляд идентичны:

(15) а. *Трава – зеленая* (ср. [Sakhno 2001]).

б. *Трава хорошая*.

На самом же деле эти предложения сильно отличаются друг от друга: в устной речи им соответствуют совершенно разные интонации, подчеркивающие это различие. Первое предложение, *Трава – зеленая*, будет понято чаще всего следующим образом: лексема *травы* понимается как родовой термин, обозначающий один из возможных элементов земного покрова (множество М тут снег, трава, камни, песок...), и их классификация производится при помощи тех предикатов, которые выражают характеристику противопоставляющую их друг другу. Чуть ли не единственной возможностью классификации таких элементов выступает их характерный цвет: *травы – зеленая, снег – белый, песок – желтый*. Оттого, что в основе классификации лежит такой признак, семантика этих предложений оказывается очень близкой к значению неоспоримой и общепризнанной истины, иногда приписываемому краткой форме. Подобные предложения соответствуют во французском и немецком языках конструкциям, подчеркивающим, что лексема X рассматривается как родовой термин: франц. *L'herbe, c'est vert* (тематический вынос и определенный артикль), нем. *Gras ist grün* (имя без артикля). Такое предложение не может быть преобразовано в собственно таксономическое предложение **это – зеленая трава*.

Предложение же (б) будет интерпретировано по-другому оттого, что в силу семантики предиката создается другое множество – род растений, называемый травой. Здесь сопоставляются, таким образом, разновидности травы (например, когда ее назначение – корм для скота); тут возможны предикаты *хороший / плохой, сочный / сухой* и т.д. Это предложение может быть переформулировано в собственно таксономическое предложение: *Это – хорошая трава*. Подлежащее здесь опять должно быть тематическим, как и в следующем контексте, где речь идет о сене, лежащем на дороге:

(16) – *Сено-то доброе! Прямо пух... Жалко оставлять-то. Давечь никого в перелуке-то не было, я и сбросила с воза. Чего им, колхозным-то? Им-то до весны с лишком хватит...* (Шукшин. Я родом из деревни).

2.2. Семантика предикатов в таксономически-квалифицирующей схеме

Прилагательное может, в зависимости от своей семантики, быть более или менее приспособлено к тому, чтобы стать классификационным критерием и, следовательно, стать предикатом таксономически-квалифицирующего предложения. Возьмем выше-

упомянутые критерии, предложенные А. Вежбицкой как типичные для категоризации: чем полнее прилагательное будет удовлетворять этим требованиям, тем чаще оно в функции предиката будет употребляться в полной форме.

2.2.1. Устойчивость характеристики

Операция категоризации чаще всего берет в основу устойчивые характеристики [Wierzbicka 1986]. Это утверждение очевидным образом перекликается с одним из самых традиционных критериев разграничения употреблений полной и краткой форм. Такой критерий был частично дискредитирован тем, что ему порой приписывали чуть ли не всеобъяснительную силу, и, к тому же, по справедливому замечанию Н.Ю. Шведовой, он больше применим к языку XIX века, чем к современному языку. Тем не менее полностью от него отказываться тоже не следует. Самым ярким примером такой дифференциации являются предложения *он болен / он больной* “он относится вообще к числу больных людей”. Менее часто то же самое наблюдается с прилагательным *здоровый*, но иногда между двумя его формами тем не менее наблюдается та же смысловая дифференциация (полная форма указывает на постоянство признака):

(17) *Дядя Ермолай постоял с уздой, бросил, сморщился болезненно и пошел прочь, вытирая ладошкой глаза. Он был не очень здоровый* (Шукшин. Я родом из деревни).

Формы голодный / голоден, сытый / сыт в своем употреблении могут отражать ту же тенденцию:

(18) – *Тетя Рая, – очень вежливо ответил ей врожденный моряк, – какое ваше собачье дело путаться в чужие проекты. Что вы рвете у меня изо рта кусок хлеба! Вы, видать, сытая, а я голодный, как пустая бочка. Понятно?* (Паустовский. Беспокойная юность).

Мы не будем более подробно обсуждать это давно известное семантическое различие еще и потому, что оно частично совпадает с другим очень важным критерием, валентностным потенциалом прилагательного (об этом см. ниже). Но тут уместно вернуться к выше упомянутой проблеме референции (§ 2.1.1). Как мы уже заметили, распределение краткой и полной форм может в референциальном плане соответствовать различию между индивидуальными объектами / их инстантами. Речь выше шла об именах с кажущейся уникальной референцией. Этот принцип приложим и к одушевленным лицам. Он дает объяснение, почему, с одной стороны, *он больной* значит, что он вообще большой человек (устойчивый признак), а, с другой стороны, все равно не вполне аномально предложение *он сегодня больной*. Отнести эту возможность на счет характера разговорного языка нам кажется недостаточным. Намного плодотворнее было бы принять в расчет двойную возможность референции. Вместе с тем можно иметь дело с одним индивидуальным объектом – с одним человеком, и это, конечно, самое обычное:

(19) а. *Он больной* (‘он вообще большой человек’).

б. *Он болен* (‘сейчас, сегодня ему плохо’).

Но есть также возможность и для одного человека предстать то в одном виде, то в другом, то есть иметь разные “инстанты”. Для ребенка, который регулярно болеет, эти два инстанта – больной ребенок / здоровый ребенок, и тогда возможно предложение *Он сегодня больной*. Необычной может показаться здесь не конструкция сама по себе, а ситуация, когда она возможна. С другими прилагательными эта проблема иногда почти исчезает: естественно сказать *Опять она невеселая* или *Он сегодня сердитый*, потому что нет ничего удивительного в том, что настроение человека регулярно меняется, и в сознании многих это значит, что существуют разные инстанты одного человека. То же самое можно сказать о предложении *Какая ты сегодня красивая!*, и

по поводу этого последнего примера интересно, что ^{??}*Как ты сегодня красива!* звучит не совсем естественно.

2.2.2. Очевидность характеристики

Второй критерий А. Вежбицкой (характеристика, лежащая в основе таксономии, должна быть очевидной чертой) тоже имеет для нас некоторую объяснительную силу. Известно, что многие прилагательные имеют второе значение, сильно отличающееся от исходного. Таковы прилагательные *здоровый* и *интересный*:

Здоровый: 1) не большой; 2) сильный.

Интересный: 1) привлекательный с интеллектуальной точки зрения; 2) красивый.

Ясно, что второе значение отличается от первого как раз тем, что оно указывает на черту внешнего облика. Именно в этом втором значении употребляется исключительно полная форма:

(20) а. *Он здоровый* ('он сильный мужчина')

б. *Она интересная* ('она хорошенькая')

Если бы такие случаи исчерпывались только указанными двумя прилагательными, было бы явной натяжкой видеть некую связь между употреблением полной формы для обозначения броской характеристики и упомянутым прагматическим требованием, касающимся таксономических предикатов. Но к этим двум прилагательным можно добавить еще следующие: прилагательное *низкий* в применении к человеку имеет значение

1) невысокий (внешняя черта) или

2) подлый (не непосредственно наблюдаемая черта характера).

Во втором значении обычно употребляется краткая форма *он низок*. Картина здесь осложняется тем, что в первом значении употребляется часто уменьшительная форма *низенький*, не имеющая краткой формы:

(21) *Иногда к дяде Коле приходил в гости сельский аптекарь. Звали его Лазарем Борисовичем ... Аптекарь был низенький, коренастый, заросший до глаз бородой и очень язвительный* (Паустовский. Далекие годы).

Подобным образом обстоит дело с прилагательным *скупной*, которое имеет значения:

1) внушающий скуку,

2) имеющий грустный вид (внешняя характеристика).

В первом значении очень употребительна краткая форма (хотя она не единственно возможная), во втором значении употребляется только полная форма. В большей или меньшей степени можно сказать то же самое о прилагательном *грустный* и, отчасти, о прилагательном *серьезный*.

Важный имеет значения:

1) играющий большую роль или

2) имеющий импозантный вид.

Когда речь идет о внешнем облике, употребляется опять только полная форма.

Прилагательных с такой колеблющейся семантикой немного, но к этому можно добавить, что намечается некоторая тенденция к употреблению полной формы для прилагательных, обозначающих броскую черту. Хороший пример в этом отношении прилагательное *толстый*: в романе Грековой "Кафедра" мы находим три раза полную форму в функции предиката и только один раз краткую. Можно убедиться на следующих примерах, что *я / она толстая* кажется естественнее, чем *я / она толста*:

(22) а. *А ты ничего гирла, – сказал он небрежно. Ася была потрясена и сразу похорошела вдвое. "Я же толстая", – сказала она, как бы его вразумляя* (Грекова. Кафедра).

б. *Я толстая. Я в объеме толстая. Не верь, кто тебе скажет: худенькой лучше. Мужчины предпочитают толстых* (Грекова. Кафедра).

Речь тут, конечно, может быть только о некотором преобладании полной формы. Не исключается, что известную роль играет здесь ограничение, вызванное морфологией (подвижное ударение, об этом см. [Guiraud-Weber 1993]). Но в (23) наблюдается та же тенденция:

(23) *Это значило, что в конце коридора появился физик. Он шел неторопливо, с опаской прислушиваясь к воплям из физического кабинета. Физик был очень толстый. Он протискивался в узкую дверь боком* (Паустовский. Далекие годы).

Речь тут идет, конечно, только о некоторой тенденции, а вовсе не о каком-то непреодолимом препятствии для употребления краткой формы.

2.2.3. Элементарность характеристики

К этим требованиям для предикатов таксономии мы добавили бы еще и следующее. Для того, чтобы иметь классификационную силу, предикат должен мыслиться как элементарный. Такая элементарность имеет место, если речь идет о человеке (предикаты *добрый, умный, сильный* и т.д., но не предикаты *изобретательный* или *предприимчивый*). Первый разряд предикатов отличает их возможность иметь антонимы: люди, таким образом, делятся на добрых и недобрых, злых, на умных и неумных, глупых, на сильных и слабых и т.д. Для второго разряда такой возможности нет. Нам кажется, что полные формы прилагательных первого разряда могут без проблем занимать предикативную функцию и что для полных форм прилагательных второго разряда эта функция часто затруднена. Предложение *Он изобретательный* встречается намного реже, чем *Он добрый*; *Он умный* кажется естественнее, чем *Он самостоятельный*. Это “категориальное значение” может порой зависеть от подлежащего, с которым соотносится предикат. Прилагательное *обязательный* обычно не располагает такой классификационной силой: говорят только *Явка обязательна*. Но в школьном контексте, где предметы делятся на обязательные и необязательные, этот предикат легко становится классификационным:

(24) *Греческий язык был необязательный. Изучали его немногие* (Паустовский. Далекие годы).

То, что не всякое прилагательное может быть таксономическим предикатом, объясняется, по нашему мнению, тем, что в нашем мышлении существуют готовые категории [Sakhno 2001], и создание новых классов предполагает целый мыслительный процесс. Именно оттого, что в повседневной жизни человек мыслит готовыми категориями, которыми и оперирует разговорный язык, можно объяснить большую частотность полных форм в диалогической речи по сравнению с языком науки, с публицистическим и административным стилем.

2.3. Ориентированность предиката

Классификация, как мы только что сказали, оперирует готовыми категориями, а это значит, что говорящий субъект обращается для этого к фонду всем известных данных. В таксономическом предложении говорящий субъект не столько выносит суждение от себя, сколько опирается на уже готовую концептуализацию мира. Когда мы говорим *это дерево*, это значит, что, учитывая целый ряд для всех очевидных характеристик (форму, размер, цвет), мы подводим какой-то итог и делаем заключение: *X – дерево*. Поэтому предикат таксономического предложения часто ориентирован “налево”, на предшествующий контекст, хотя и обратная ориентация не исключается (опираясь на что-то известное, можно развивать свою мысль дальше). Собственно суждение, напротив, открывает что-то новое, и поэтому оно ориентировано “направо”, на последующий контекст. Такая тенденция прослеживается и в употреблении

кратких и полных форм предикативного прилагательного, что мы постараемся доказать на следующих примерах. Вот первый из них:

- (25) *Честолюбив, неудачник и потому озлоблен. Грубоват, как видите. Изумительная память. Вы познакомьтесь с ним, он – интересный* (Горький. Жизнь Клина Самгина).

В этой фразе находит свое подтверждение то, что краткая форма употребляется в прогрессивной перспективе. Эти формы движут рассказ вперед, раскрывая все новые черты, а полная форма подводит итог, базируясь на только что сказанном. Возьмем теперь следующий пример:

- (26) а. – *Фу, какой вздор! – возмутилась Анна Акимовна. – Как вы все глупы! Какой вы глупый, Миша! Как вы надоели мне! Я вас видеть не хочу!* (Чехов. Бабе царство).

б. *Какой вы глупый, Миша! Как вы все глупы!*

Нам кажется, что только этой ориентированностью можно объяснить, что обратный порядок в примере (б) воспринимается иногда как менее желательный. В исходном тексте наблюдается та же ориентация краткой и полной форм: повтор осуществляется полной формой, эта роль краткой форме не свойственна. Мы хотели бы теперь прокомментировать следующий диалог, являющийся на первый взгляд контрпримером к этому предположению:

- (27) – *...Нешто пойдешь за старика?*

– *Пойду, тятя, – твердо сказала Груня. – Он добрый... Да мне не он... Мне бы только сироток призреть.*

– *Да ведь он старый! Тебе не ровня, – молвил Чапурин.*

– *Стар ли он, молод – по мне все одно, – отвечала Груня. – Не за него, ради бедных сирот...* (Мельников-Печерский. В лесах).

На самом деле ясно, что восклицание *Да ведь он старый!* опирается на что-то уже данное (частица *ведь* притом еще подчеркивает, что это всем известно), *он старый* – просто повтор предыдущих слов *он старик* (ориентация – налево). Употребление после этого кратких форм может быть истолковано в таком же духе: тут нет никакого повтора, напротив, полностью отвергается предложенная точка зрения, предлагается альтернатива между двумя суждениями и ориентированность этих предикатов на следующий контекст: *по мне все одно*, не вызывает сомнений.

Такой подход проливает новый свет на давно замеченный факт (в научном стиле краткие формы употребляются в предикатной позиции гораздо чаще, чем полные формы, и это является одной из отличительных черт научного стиля от разговорного языка). Наука не оперирует готовыми категориями, не опирается на “всем известное”, она, напротив, идет по линии аналитического мышления. Научная речь идет “вперед”, каждое суждение является новым этапом на пути к следующему утверждению. В разговорном языке зато нет надобности в постоянно возобновляющемся анализе, в нем находит свое выражение бытовое мышление, порой построенное на череде шаблонов.

Небезынтересно в этом отношении поведение полупредикативных оборотов. Русская Грамматика [Грамматика 1980: 186] утверждает, что употребление краткой формы в них редкое явление, присущее только поэтической речи, и приводит следующие примеры:

- (28) а. *Колблется воздух, Прозрачен и чист* (Заболоцкий).

б. *Худощав, легок на ногу, он рано появляется в цехе* (из газет).

Как нам кажется, уже на этих примерах видно, что эта стилистическая окраска неоспорима только в случае постпозитивного определения. Мы уже отмечали по этому поводу [Roudet 1998], что препозитивные обороты такого типа не так редки и не вос-

принимаются как архаизм или черта поэтической речи; к примерам, взятым из [Грамматика 1980], можно добавить следующий (из телеграммы Б. Ельцина по поводу смерти Б. Окуджавы):

(29) *Всегда узнаваем, всегда индивидуален, всегда любим, он неизменно отстаивал свои идеалы истины и красоты* (Русская Мысль, 19–06–97).

Совершенно очевидно, что эта особенность краткой формы объясняется самым естественным образом, если принять предположение об ориентации кратких форм на последующий контекст.

3. ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ КОНКУРЕНТНЫХ ФОРМ

3.1. Несколько нетипичных примеров

Попробуем теперь приложить вышеизложенную теоретическую схему к некоторым любопытным примерам, взятым из литературы. Возьмем сперва следующее предложение, которое с первого взгляда противоречит нашему описанию синтаксиса краткой и полной форм:

(30) *Но я была согласна и подождать три недели, пускай он поставит свой рекорд. Жизнь длинная, и времени для радости еще так много. ... Я ошибалась. Жизнь короткая* (Акунин. Любовница смерти).

Ясно, что тут идет речь о жизни вообще, а не о жизни какого-то отдельного человека, и, несмотря на употребление полной формы, здесь опять утверждается неоспоримая и общепризнанная истина. Но полной невозможности нет, достаточно считать, что жизнь входит во множество элементов, имеющих какую-то протяженность во времени, чтобы эта проблема была разрешена: перед нами высказывание, имеющее статус таксономически-квалифицирующего предложения³. К тому же, можно было бы лишней раз заметить, что полная форма ориентирована на предшествующий контекст.

Возьмем теперь следующие примеры:

(31) а. *Оказывается, СССР умер, а докторская колбаса была еще жива* (Латынина. Охота на изюбря).

б. – *Смерть живая, – повторяла Коломбина...* (Акунин. Любовница смерти).

Если в предложении (а) заменить краткую форму полной, получится нелепое утверждение, относящее колбасу к классу живых существ. Здесь же утверждается только одно свойство докторской колбасы, сводящееся к простому существованию, то есть материальному наличию. Это предложение может показаться сформулированным немного необычно, но оно вполне понятно. Предложение же (б) не может обойтись без комментария: автор этого утверждения уподобляет смерть живому персонажу, имеющему определенную волю, действующему как любой персонаж и т. д. Эту фразу можно понять только следующим образом: среди разных сущностей есть абстрактные или конкретные вещи, есть и живые существа, и к этому последнему классу относится смерть. Контекст, впрочем, не оставляет сомнений по этому поводу:

(32) *Смерть живая, – повторяла Коломбина, ... Существо, имя которому Смерть, может разгуливать по городу, заглядывать в окна, бить наотмашь. Может любить и ненавидеть, может чувствовать себя оскорбленным. В чем*

³ Единственная проблема в том, что это множество будет, по всей вероятности, довольно разнородным (например, жизнь, загробное существование, детство, старость) или же, наоборот, крайне ограниченным (жизнь, загробное существование); и в том, и в другом случае, классификационная схема может показаться неуместной.

заключалось оскорбление, нанесенное Смерти Гдлевским, понятно (Акунин. Любовница смерти).

По очевидным семантическим причинам заменить полную форму краткой здесь невозможно.

3.2. Проблема категоричности

Различение квалифицирующей и таксономически-квалифицирующей моделей позволяет объяснить следующий факт: высказывание, использующее краткую форму, часто считают более категоричным, чем то же высказывание с полной формой прилагательного. Тут уместно вспомнить соображения А. Вежбицкой [Wierzbicka 1986: 363]. Она замечает, что эволюция менталитетов приводит к тому, что теперь все меньше употребляется такое имя нарицательное, как польск. *ślepiec*, указывающее только признак, характеристику “невидящий”, но все больше отдают предпочтение синтагме *ślepy człowiek*, в которой характеристика “невидящий” подчинена второму признаку “человечность”. Можно было бы сказать точь-в-точь то же самое о французском языке, где *les aveugles* все больше уступает эвфемистическому *les personnes non voyantes*.

Если сопоставить предложения

- (33) а. *Он слеп.*
б. *Он слепой,*

можно сказать подобным образом, что употребление полной формы в (б), порождая таксономически-квалифицирующее предложение, в отличие от краткой формы (а), относит сперва X к некоторой категории (здесь категории “человек”), а только потом приписывает ему признак “невидящий”. Тем не менее вне контекста большой разницы между этими формулировками нет (контекст может сильно менять это положение вещей: вспомним всем известный пример из Лермонтова: *этот слепой не так слеп, как оно кажется...*). Также нет существенной разницы между *он добр* и *он добрый*, и нам даже кажется, что категоричность, якобы вносимая краткой формой, тут еще под вопросом. Зато полностью расходятся такие высказывания, как *ты глуп* и *ты глупый* или *она смешна* и *она смешная*. Дело в том, что, когда речь идет об отрицательном признаке, классификация, лежащая в основе таксономически-квалифицирующего предложения, смягчает или даже нейтрализует эту отрицательную семантику тем, что вносит противоположную, положительную сему, признак “человечность”. Поэтому высказывание, утверждающее только отрицательный признак, как *ты глуп*, обидно, а семантически более сложное *ты глупый* звучит всего лишь как мягкий укор (с инверсией – *глупый ты*, или без нее – *какой ты глупый*).

- (34) – *Боже мой, – сказала она и посмотрела на меня полными слез глазами. – Глупый вы, глупый. Вот – читайте!* (Паустовский. Беспокойная юность).

Но тут следует ответить на вопрос, почему *ты противный* или тем более *он подлый* никак не могут быть безобидными репликами. Единственное возможное объяснение находится, как нам кажется, в том, что прилагательное тут своей очень сильной отрицательной нагрузкой полностью подавляет положительную черту, имплицитно содержащуюся в таком предложении. Но даже с этой оговоркой такое объяснение “более сильного” значения краткой формы является упрощением. Дело в том, что *ты умный* тоже представляет собой смягченное утверждение по сравнению с предложением *ты умен*, хотя здесь трудно предположить, что нейтрализуются положительная и отрицательная семы, как в предложении *глупый ты*.

Надо также объяснить, почему *глупый ты* звучит не очень обидно в отличие от *глупый ты человек*, что совершенно несовместимо с нашим предыдущим предположением. Оба эти факта можно истолковать следующим образом. В предложении *ты*

умный категория, к которой относят собеседника, может быть, например, множество мальчиков: ясно, что в утверждении *ты умный мальчик*, так же как и в синонимичном *ты умница*, чувствуется некоторая снисходительность, несовместимая с настоящим утверждением выдающихся умственных способностей. То же самое можно сказать по поводу разницы между предложениями *глупый ты человек* и *ты глупый*. Мы предположили, что таксономически-квалифицирующая модель относит подлежащее к категории “человек”: но эта самая нейтральная категория послужила нам, как и А. Вежибицкой, удобной отправной точкой для нашего рассуждения. Если теперь заменить это предполагаемое множество, к которому относят подлежащее, более узкой категорией “мальчик” или “парень”, то неудивительно, что *ты глупый* (с интерпретацией *ты глупый мальчик*) звучит менее оскорбительно, чем *ты глупый человек*.

3.3. Морфосинтаксическая точка зрения

3.3.1. Роль дополнения

То, что распространение при предикативном прилагательном влечет за собой употребление краткой формы – общеизвестный факт [Шведова 1952: 122–127]. По нашему мнению, этот факт связан с тем, что полная форма употребляется преимущественно тогда, когда имеется в виду классификация. Присутствие дополнения при прилагательном крайне затрудняет таксономическую функцию, так как классификационный критерий, как мы уже говорили, должен быть элементарным: *добрый* обладает такой элементарностью (люди делятся на два класса – добрых и злых); такой элементарностью чаще всего обладает обозначение цвета. Но предикат *добрый ко мне* ею не обладает и не может быть таксономическим предикатом, потому что возможное варьирование дополнения привело бы к крайней раздробленности классов: *добрый / недобрый ко мне, к родителям, к детям* и т.д. Притом нам кажется, что не только реального присутствия такого дополнения, но и имплицитного распространения достаточно, чтобы почти исключить употребление полной формы. Для некоторых прилагательных (в особенности для вышеупомянутых *интересный, скучный, важный...*), таким образом, наблюдается двойная тенденция: они могут относиться или только к внешнему облику, что способствует преобладанию полной формы, или иметь валентность *для кого, для чего* (в этом втором случае более обычна краткая форма)⁴. Тот факт, что имплицитное распространение является благоприятным фактором для употребления краткой формы, может послужить объяснением некоторых семантических особенностей прилагательных, которые будут рассматриваться ниже.

3.3.2. Роль дополнения и постоянство признака

Многие прилагательные могут функционировать с распространением или без него. Распространение указывает на ограничение признака, и, таким образом, может получиться, что краткая форма указывает на характеристику, связанную с определенными обстоятельствами, в отличие от полной формы, выражающей общую характеристику. Это является первым этапом процесса, обычно считающегося семантическим расхождением краткой и полной форм прилагательного.

(35) а. *Он груб со мной.*

б. *Он грубый.*

Предложения (а) и (б) не равнозначны, как и *эта задача трудна для меня* и *эта задача трудная*. Естественно, без распространения всеобщее утверждение может быть передано краткой формой: *он груб* и *он грубый* более или менее синонимичны; мы хо-

⁴ Ясно, что все только что сказанное не распространяется на те случаи, когда мы имеем дело с бытийно-квалифицирующим предложением типа *люди там интересные*.

тим только указать, что полная форма исключает, чтобы признак, обозначаемый ею, был связан с определенной ситуацией. Если имеется в виду, что кто-то кому-то нагрубил, предложение *“он был грубый”* не удовлетворительно. По той же причине **он каждый раз грубый* вряд ли приемлемо.

Более или менее то же самое можно было бы сказать о прилагательных *строгий, холодный* (с кем-нибудь или без дополнения), *недоступный, обязательный, опасный, привлекательный* (для кого-нибудь или без дополнения), *дорогой, ясный* (кому-нибудь или без дополнения). Для всех этих прилагательных действует правило, согласно которому полная форма не может соответствовать утверждению, имеющему силу только в определенной ситуации.

Можно также заметить, что многие прилагательные, отнесенные некоторыми лингвистами [Шведова 1952: 80] к “категории состояния”, имеют обязательную вторую валентность (подлежащее + дополнение): таковы прилагательные *доволен* (кем-нибудь / чем-нибудь), *согласен* (с кем-нибудь / с чем-нибудь / инф.), *похож* (на кого-нибудь / на что-нибудь), *готов* (к чему-нибудь / инф.), *виноват* (в чем-нибудь), *нужен* (кому-нибудь), *способен* (на что-нибудь / инф.). Тут речь идет о семантически обязательной валентности (синтаксически она может оставаться невыраженной), которая почти исключает употребление полной формы в предикатной функции. Эти прилагательные передают не столько характеристику, присущую подлежащему, сколько отношение между двумя актантами. Поэтому термин “категория состояния” в применении к ним нам кажется неудачным.

3.3.3. Семантическое расхождение краткой и полной форм

Давно замеченный процесс семантического расщепления разных форм прилагательных часто связан с возможностью для краткой формы соотноситься с распространением. В этом отношении особый интерес представляют прилагательные *хороший / плохой / дурной, злой и полный*. Прилагательное *хороший*, как синоним прилагательного *добрый*, употребляется часто в полной форме:

(36) *Он хороший (= он добрый человек).*

Зато если *хороший* имеет значение “пригодный для чего-то”, вследствие появления второй валентности (“хороший для достижения какой-либо цели”) употребляется краткая форма, что объясняет невозможность конкурентной формы в (а):

(37) а. *Тут все средства хороши, вплоть до шарлатанских* (Акунин. Любовница смерти).

б. **Тут все средства хороши.*

Известно, что *она хороша* значит “она красива / красивая”, при невозможности в этом смысле **она хорошая*, что объясняется очень просто семантически обязательной валентностью *собой*. То же самое можно сказать о “переносном” значении *она дурна / не дурна*, опять же с имплицитной валентностью *собой*. Прилагательное *плох* подобным образом может иметь значение “нездоров”, что является следствием имплицитной валентности: *плох (здоровьем)*. Немотивированной зато кажется семантическая специализация краткой формы этих прилагательных *она дурна (собой) / она плоха (здоровьем)*, которая не допускает вариаций **она дурна (здоровьем) / *она плоха (собой)*, несмотря на синонимичность прилагательных.

Обратим теперь внимание на прилагательное *злой*. Семантическую разницу между полной и краткой формами (*он злой* в смысле “он недобрый человек” и *он зол на меня*) мы постараемся объяснить следующим образом. Мы сперва предложим общее толкование этого прилагательного *злой* “содержащий в себе недобрую силу”. В зависимости от того, чем именно является эта недобрая сила, варьируется семантика этого прилагательного:

– с неодушевленными предметами: *злые морозы* значит “сильные и вредные”, *злое время* интерпретируется как “время, полное несчастий” (недобрая сила тут – течение времени, приносящее всякие беды). Здесь предложения всегда бытийно-квалифицирующего типа:

(38) *Морозы в эту зиму были злые. Время было злое.*

В них может быть употреблена только полная форма: с одушевленными предметами, эта недобрая сила, движущая ими, – зло; зло может быть понято как общее понятие, как антоним к слову *добро*, или же как синоним к *злобе*.

(39) *Он злой.*

Предложение (39) отражает эту двойственность и может быть понято как: “он недобрый человек” или как “в нем злоба” (например, *он вернулся злой как собака* допускает только второе значение). Если выражена валентность, обозначающая против кого направлена эта недобрая сила, “зло” может быть понято только как *злоба* (как и в выражении *держат зло на кого-нибудь*). При выраженном распространении возможна, естественно, только краткая форма:

(40) *Он зол на меня. Она была зла на сестру.*

Выше сказанное наталкивает на мысль, что семантическое расхождение здесь более кажущееся, чем реальное. Дело обстоит не иначе с прилагательным *полный*. Мы как и в предыдущем случае предложим следующее семантическое толкование: “содержащий максимальное количество некоего X-а”, где варьируется только X и возможность иметь выраженную валентность.

Если речь идет о конкретном предмете (бутылке, аудитории, шкафе), X выражает его содержимое (вино, студенты, платья), отличное от этого предмета. Эта валентность может быть выраженной или же остаться невыраженной: *театр уже полон*.

(41) *Твой кубок полон не вином, но упоительной отравой* (Пушкин).

Если речь идет о предмете, для которого X представляет составную его часть, эта валентность не может быть выражена, или же она будет выражена иначе, чем лексемой, подчиненной прилагательному: **список полон фамилий / список фамилий полон*. Тем не менее этого имплицитного элемента достаточно для преобладания (но не больше) краткой формы:

(42) *Этот список не полон. Ваши сведения не полны.*

Если речь идет о понятии (свободе, счастье, порядке), X является характеристиками определяемого понятия: *полная свобода* – такая свобода, в которой присутствуют все отдельные характеристики того, что обозначается этим термином. Ясно, что здесь не может быть речи даже об имплицитной валентности. Краткая форма тут исключена еще и потому, что такая лексика чаще всего создает основу для бытийно-квалифицирующих предложений:

(43) *Свобода была полная. Счастье будет полное.*

4. ПРОБЛЕМА ТВОРИТЕЛЬНОГО

Не претендуя на то, чтобы дать исчерпывающую картину синтаксиса предикативного прилагательного, мы бы все же хотели коснуться проблемы творительного предикативного. Положение творительного предикативного может показаться парадоксальным. С одной стороны, неоднократно отмечалось, что этот падеж является эксплицитным указанием предикативности в отличие от именительного, который может быть падежом согласованного определения. Но с другой стороны, употребление тво-

рительного в некоторых случаях обязательно как раз вне поля предикативности, например: *быть богатым – не такая заслуга*.

Этот последний факт наводит на мысль, что распространение творительного идет от его употребления в позиции составной части синтагмы, то есть в позиции подчинения: в приводимом примере творительный можно считать подчиненной формой внутри синтагмы *быть богатым*. Если принять за отправную точку предположение, что в отличие от именительного творительный является в таких синтаксических схемах более или менее управляемым падежом (ср. [Guiraud-Weber 1993]), то можно объяснить некоторые особенности их распределения в интересующем нас случае. Обратим сперва внимание на эту сторону вопроса.

4.1. Общее распределение творительного и именительного

Вышеизложенные соображения позволяют сформулировать три правила распределения творительного:

- творительный возможен только тогда, когда подчиняющий элемент выражен эксплицитно. Этот падеж, таким образом, просто исключается при нулевой связке и становится возможным с близким по значению глаголом *бывать* в настоящем времени: *когда он бывает любезным?* при полной невозможности: **когда он любезным?*

- чем сильнее в семантическом отношении глагол в такой модели, то есть чем ближе он к категории глаголов, способных иметь при себе подчиненный элемент, тем вероятнее употребление творительного. Этот второй критерий дает по крайней мере частичное объяснение тому, почему с так называемыми полусвязочными глаголами (*казаться, оказаться, стать*) явно преобладает творительный падеж, который с глаголом *быть* конкурирует с именительным. Здесь возможна и краткая форма: по нашим наблюдениям, она особенно часто встречается с глаголом *становиться / стать*, приблизительно в два раза чаще, чем с другими глаголами такого типа. Но краткая форма употребляется здесь почти исключительно тогда, когда прилагательное имеет вторую (иногда имплицитную) валентность, например:

(44) а. *Мир стал тесен им, они перестали выполнять свои обязанности* (Гумилев. От Руси до России).

б. *Мама поглядывала на меня и все повторяла, что я стал удивительно похож на отца* (Паустовский. Далекие годы).

в. *Потом я вспомнил о Романине. Что случилось с ним? Почему он стал со мной так груб? Должно быть, в этом была моя вина* (Паустовский. Беспокойная юность).

- в моделях, где затруднено или невозможно истолкование роли глагола как роли связочного элемента оттого, что отсутствует подлежащее, и поэтому связывать определение не с чем, творительный обязателен: это относится к императиву (45а), к деепричастиям (45б) и к инфинитиву (45в).

(45) а. *Будь вежливым!*

б. *Будучи вежливым...*

в. *Быть вежливым необходимо.*

Возможность употребления краткой формы не является, по нашему мнению, трудно объяснимым исключением из этого правила: эта возможность вытекает из другого, выше изложенного принципа ориентации краткой формы. Те некоторые (более или менее устойчивые) обороты типа *будьте добры, будьте любезны...* выполняют исключительно интродуктивную функцию, они всегда ориентированы на последующую просьбу, что соответствует одной важной характеристике этих форм. Поэтому они легко сохранились в этих оборотах, в отличие от явных архаизмов как *я вернулся угрюм и сердит*. Когда эта интродуктивная функция не реализована, несмотря на идентич-

ность лексики, употребляется только творительный: *Не говорите так о нем! Будьте хоть раз добрым!*

Тут уместно коротко сказать о конкуренции творительного с именительным в сочетании с полнозначительными глаголами (с глаголами пребывания в определенном месте, прихода или ухода, появления и т. д.). Здесь преобладает именительный, что на первый взгляд идет в разрез с выше изложенным принципом. На самом же деле можно рассматривать модели типа *он сидел грустный, он ушел довольный* и т.д. как построенные на слабой связи между прилагательным и глаголом: в доказательство можно привести их очевидную близость к полупредикативным оборотам⁵, в которых исключается творительный:

(46) *Домой инженер вернулся на исходе дня, усталый и грустный* (Акунин. Алмазная колесница).

Когда же имеется неразрывная связь между глаголом и прилагательным, творительный становится обязательным. Семантика следующих предложений такова, что нет возможности сблизить их с предложениями, включающими полупредикативный оборот [примеры (б)]:

(47) а. *Он родился глухим.*

б. ^{??} *Он родился в России, глухой и немой.*

(48) а. *Он умер молодым.*

б. ^{??} *Он умер на фронте, молодой и отважный.*

К тому же рядом с именительным в предложении *он сидел грустный* наблюдается обязательность творительного в синтагме с теми же лексемами: *просто сидеть грустным – бесполезно*. Все это вместо взятое позволяет утверждать, что общее распределение творительного и именительного падежей производится по принципу “слабая / сильная (подчинительная) связь”. Бывают случаи, когда критерий “тип связи” не играет существенной роли, и тогда появляется возможность выбора между двумя падежами. Следующий пример (49а) (из [Грамматика 1954, Т2: 467]) можно переделать в (49б): разница в типе связи здесь на семантике не отражается.

(49) а. *Цитадель стояла безмолвной и неприступной* (Федин).

б. *Цитадель стояла безмолвная и неприступная.*

4.2. Конкуренция творительного и именительного

Теперь следует обратиться к тем случаям, когда творительный падеж конкурирует с именительным. Очень часто эти формы воспринимаются как синонимичные: такими считают обычно высказывания *он был добрый* и *он был добрым*. В особенности вне контекста кажется невозможным установить между этими падежами какую-либо смысловозначительную функцию. Мы приведем ниже несколько случаев, когда тем не менее они не могут заменять друг друга. В одних случаях творительный исключается оттого, что должна быть сохранена близость исходного предложения к некавалифицирующей модели. В других, наоборот, творительный обязателен: в этих предложениях прорастает тенденция к акцентированию предикативного прилагательного.

4.2.1. Случаи, когда не допускается творительный

Мы здесь будем рассматривать предложения, в которых творительный не конкурирует с именительным в силу того, что исключается чисто квалифицирующая перспек-

⁵ О размытости границы между полупредикативными оборотами и собственно предикативным прилагательным см. [Roudet 1998].

тива. Большинство таких случаев составляют предложения, построенные обязательно по бытийно-квалифицирующему типу.

Первый случай. Эта обязательность может возникнуть благодаря лексическим свойствам подлежащего и семантике связочного глагола. В случае, когда глагол *стоять* имеет сильный бытийный семантический оттенок, творительный предикативный становится крайне нежелателен (б):

- (50) а. *Погода стояла холодная* ('долгое время была холодная погода').
б. **Погода стояла холодной*.

То же самое можно сказать о следующем примере:

- (51) *Заря взошла багровая, туманная, пахнувшая гарью* (Паустовский. *Беспокойная юность*).

Предложение (51) можно было бы тоже интерпретировать как результат слабой связи между глаголом и предикативными определениями (об этом в предыдущем разделе). Притом замечательно, что здесь нет возможности включить в одну синтагму эти глаголы, взятые в таком бытийном значении, и прилагательные: предложению *погода стояла холодная* не соответствует синтагма **стоять холодной*, которая может только породить бессмысленные предложения **стоять холодной для погоды плохо*.

Второй случай. Как уже было сказано, замена именительного падежа творительным означает окончательный разрыв с бытийным типом, что не всегда допустимо. Именно поэтому употребление творительного затруднено с тематическими подлежащими [примеры (а)]:

- (52) а. *Я представлял себе этих источенных от зубрежки, заплаканных мальчиков с красными от волнения, оттопыренными ушами. Зрелище было жалкое* (Паустовский. *Далекie годы*).
б. ??*Я представлял себе... Зрелище было жалким*.
(53) а. *Мы издевались над сыщиком. Каждый из нас громко рассказывал вымышленную его биографию. Биографии были чудовищные и оскорбительные. Сыщик хрипел от ярости* (Паустовский. *Далекie годы*).
б. ??*Каждый рассказывал его биографию. Биографии были чудовищными и оскорбительными*.

Замена тут привела бы к неудовлетворительному результату [примеры (б)]. В таком контексте должна быть сохранена бытийно-квалифицирующая модель предложения⁶.

Третий случай. Мы упомянули в начале этой работы один пример предложения, являющегося промежуточным звеном между бытийным и таксономическим типами: *Масти были любимые и нелюбимые, счастливые и несчастливые*. Совершенно ясно, что здесь тоже исключается творительный, который преобразовал бы предложение в конструкцию квалифицирующего типа с другим – довольно странным – смыслом.

4.2.2. *Случаи, когда предпочтение отдается творительному*

Во многих случаях речь идет только о некотором предпочтении, а не об обязательности творительного падежа. Тут действуют разные факторы, но, как будет видно, все они сопровождаются акцентированием предикативного прилагательного.

Первый фактор – порядок слов: препозитивное предикативное определение очень часто оформляется посредством творительного:

⁶ Этот факт мог бы послужить аргументом для того, чтобы истолковать последние предложения как бытийный тип с обязательным выносом имени, но мы не будем касаться этой стороны вопроса.

- (54) а. *Удивительными были в то время многие узловые станции, построенные в месте пересечения железных дорог, вдалеке от людских поселений* (Паустовский. *Беспокойная юность*).
- б. *Последние дни в Алуште были необыкновенно грустные и хорошие. Таки-ми всегда бывают последние дни в тех местах, с которыми жаль расставаться* (Паустовский. *Далекie годы*).
- в. *Русское слово “мудрый” он уже знал, но оттенков его не чувствовал, и мудрец для него всегда был стариком. А красивым он не был никогда* (Домбровский. *Факультет ненужных вещей*).

Именно несогласованность творительного с подлежащим создает здесь нужную синтаксическую однозначность: несмотря на то, что прилагательное – первый элемент высказывания, его функция заранее задана творительным падежом. Ту же роль могла бы играть и краткая форма, которая является в силу этого конкурирующей формой. Но ясно, что далеко не во всех случаях краткая форма возможна: в примере (б) она просто исключается, здесь творительный не имеет конкурентов. В примере (в) краткая форма кажется не желательной: в такой контрастной модели отдается предпочтение именно творительному. Только в примере (а) можно было бы допустить такую замену и то, возможно, не без оговорки. Полная форма в именительном, естественно, здесь почти исключена.

Такой порядок слов обычно сопровождается специфическим акцентированием прилагательного, который здесь составляет тему высказывания.

Второй фактор, действующий в пользу творительного, – семантическая разноплановость. В некоторых довольно редких случаях творительный может играть ту же роль с прилагательными, которую он порой играет с именами. Во фразе:

- (55) *Рядом с прадедушкой его жена, Нинина прабабушка. Белая блузка, вертикальная сточка, волосы башенкой. Барыня, а барыней не была и близко. Но ведь фотография – не баловство* (Щербакова. *Год Алены*).

ясно, что имя употребляется сперва в денотативном значении, а потом в сигнификативном. В первом случае имеется в виду тип женщины (учитывается в первую очередь внешний вид), во втором создается реляционный предикат (“женщина, имеющая определенное социальное положение”). В таких случаях возможен только творительный предикативный. Близкое явление представляет собой следующее предложение:

- (56) *Дикий переулоч был действительно диким. Он никуда не вел* (Паустовский. *Далекie годы*).

С прилагательными таких случаев немного. Это объясняется тем, что семантическая разноплановость наблюдается довольно регулярно только с именами, а с прилагательными является редким феноменом.

Здесь тоже интонация, подчеркивая эту семантическую разноплановость, выделяет предикативное прилагательное специальным ударением.

Третий, наверное, самый слабый фактор – создание контрастной модели, в которой прилагательное является предикатом второй, контрастирующей части. Мы уже приводили выше один пример такой возможности (54в) и отмечали по этому поводу, что краткая форма здесь кажется не совсем адекватной. Контраст сопровождался в этой фразе выносом прилагательного, но на следующих примерах, где контраст слабее и поэтому нет выноса предикативного прилагательного, мы видим, что предпочтение опять отдается творительному:

- (57) а. *Вот Яшка Падучий – нищий с белыми водочными глазами. Он постоянно сидел на паперти Владимирского собора и выкрикивал одну и ту же фразу: “Господа милосердные, обратите внимание на мое калецство-овец-ство!”*
В яру Яшка Падучий был совсем не таким гнусавым и тихим, как на папер-

ти. Он выпивал одним духом четвертинку водки... (Паустовский. Далекие годы).

б. Мы мечтали каким-нибудь способом насолить Трегубову. Но Трегубов был неуязвим. Отомстить ему за все мучения и страхи нам удалось только один раз. Но месть эта была безжалостной. Когда мы были уже в четвертом классе... (Паустовский. Далекие годы).

Прилагательное здесь тоже, по всей вероятности, выделяется специфическим ударением.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение мы бы хотели подчеркнуть те стороны вопроса, которые усложняют общую картину употребления разных форм прилагательного. Ее усложняет, конечно, тот факт, что конкурируют три формы: принципы распределения краткой и полной форм только частично применимы к употреблению творительного, являющегося подчиненной формой. Еще больше усложняет картину сама природа таксономически-квалифицирующего предложения. Причин тут две. С одной стороны, на разграничении таксономически-квалифицирующего и собственно квалифицирующего предложений базируются самые разные особенности синтаксиса прилагательного, связанные с референциальным статусом подлежащего, с семантикой предиката, с влиянием валентностного потенциала прилагательного и вытекающим отсюда семантическим расхождением краткой и полной форм. Но даже в рамках таксономически-квалифицирующего предложения картина далеко не однозначна: здесь следует учитывать возможные видоизменения имплицитного элемента, множества М, которые приводят к тому, что полная форма может передать противоположные значения (постоянный или, наоборот, временный признак). Поэтому неудивительно, что синтаксис предикативного прилагательного является до сих пор спорным вопросом в русистике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова 1999 – Н.Д. Арутюнова. Язык и мир человека. М., 1999.
Булыгина, Шмелев 1997 – Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
Виноградов 1972 – В.В. Виноградов. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972.
Исаченко 1965 – А.В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Братислава, 1965.
Грамматика 1954 – Грамматика русского языка, М., 1954.
Грамматика 1980 – Русская грамматика. Т. 2. М., 1980.
Шведова 1952 – Н.Ю. Шведова. Полные и краткие формы имен прилагательных в составе сказуемого в современном русском литературном языке // Уч. зап. МГУ. Вып. 150. 1952.
Guiraud-Weber 1993 – M. Guiraud-Weber. La méthode bisynchrone dans la description de l'adjectif attribut en russe moderne // Revue des études slaves. LXV. 1. 1993.
Gustavson 1976 – S. Gustavson. Predicate adjectives with the copula *byť* in modern Russian. Stockholm, 1976.
Roudet 1998 – R. Roudet. Esquisse d'une comparaison de l'emploi des formes courtes des adjectifs en russe et en tchèque // Slavica Occitania. 1998. № 6.
Sakhno 2001 – S. Sakhno. Les formes de l'adjectif attribut en russe : prédication "effectuée" vs. prédication "mentionnée" // Revue des études slaves. LXXIII. 1. 2001.
Wierzbicka 1986 – A. Wierzbicka. What's a noun? (or: how do nouns differ in meaning from adjectives?) // Studies in language. V. 10. 1986.